

В. Л. ШЛЕНОВ

И ВРЕМЕНА, И ЛЕТА

*Яко тысяща лет пред очима Твоима, Господи,
яко день вчерашний.*
Пс. 89, 5

1.

Две полоски по небу, тоскуя,
Уплывают в чужие края,
И глядят на дорожку простую,
У которой задумался я.

Вот и нет их. Совсем улетели.
Там вдали и не вспомнят они,
Как смущенно со мною глядели
На убитые холодом дни.

2.

Чем еще дорога богата
Лет моих, отступающих в тень?
День, который не сбывся когда-то.
Он и был настоящий день.

И за то, что душа вместила
Боль насквозь в суматохе слов,
Все, что будет, и все, что было,
Стало вестью колоколов.

3.

Однако все — и времена, и лета —
Как с крыши сброшенный вчерашний снег.
Такая уж судьбина — в час рассвета
К своей душе проситься на ночлег.

Всегда любить и дорожить святою
Водой любви, печалась о живом.
И в час, когда труба зовет к отбою,
Придти с повинной в Церковь — Отчий Дом.

4.

Все, что было, — родина и дым
Погрузились в жерло сновиденья.
На поверженный мой Третий Рим
Наступает мерзость запустенья.

Лишь дохнула хладом ледяным
Ночь, не знающая сожаленья,
Чая быть железным и стальным,
Рушится уже от дуновенья.

Господи, неужто никогда
Не откроется, хоть в дальней дали,
Родина, которая всегда
Больше всякой о себе печали?

5.

Хоть царевна не знает, о чем она собственно плачет,
Грянет луковкой выстрел и воина в поле сразит.
И уже не достанется ей окрыленной удачи.
И за край мироздания солнце зайдет. Но не будет обид.

Все смешается — с гарью беспомощность верха и низа,
И хрустальные звоны, и лапоть беспамятства лет,

И волшебная скатерть, и призрачный абрис карниза.
И такой же невзрачный, какой и бывает, рассвет.

Ах, царевна, застыла у бездны, как будто судачит
Над пучиной, где утлый теряется образ земной
Между жизнью и смертью. Знай, губы кусает и прячет
В расписной свой ковчег мир отчаянный, русский, родной.

А когда совершится во всей тишине величавой,
Что ж, увидишь сама, лишь забвенья спадет пелена,
И откроется даль нескончаемым светом и славой
У холмов, где народы ликуют, где вечно весна.

6.

Рассыпав мир, как будто он случайный,
Как будто Русь, невеста без парчи,
Перед его непостижимой тайной
Один, как перст, немотствую в ночи.

О, Господи, пока не стихла буря,
Пока река не впала в берега,
А сон сбивает сливки из лазури,
Не отличая друга от врага.

Пусть ветерком пленительным играя
По клавишам столичности людской,
В неудержимом возгласе из Рая
Утонет мир со всей его тоской.

7.

А после бессонной ночи
Уснуть бы, да сон нейдет.
Уснуть бы, да нету мочи
Назад обернуться, Лот.

И дальше беги, ликуя,
По клавишам судных лет.
Немотствуя и тоскуя
Всей Божьей правде в ответ.

8.

Я все гляжу на жизнь, как на картину,
И не могу всего тебе сказать.
Наверно, нам и вправду не по чину
Одновременно и любить, и знать.
Но знаем — собирает воедино
Дарованная миру благодать.

9.

Одинокой трелью соловьиною
Тронув лет былых пронзительную высь,
Бедною моею Украиною —
Снова мне сироткою приснись.

«Хутка валка», насыпь, прудик с тиною...
И промчались годы, словно рысь,
Вот живу с печалью двуединою,
Солнцу не сказав: остановись.

Смерть в чулане пыльною картиною,
Тяжестью трофейного свинца,
Разделила детство серединою —
Черной полосой, где нет лица.
И наполнилась душа глубинною
Вечностью, не знающей конца.

10.

И кажется, все дальше я
От той весны, где всюду воды.

И стали тайной бытия
Забывшие слова и годы.

Бежим, не разумея тьму,
И расступаются стихии.
И только Богу одному
Известна тайна о России.

11.

Во всей великой тишине души,
Во всенародной, Господи, печали
О нашей русской и родной глуши,
Где нас любили, помнили и ждали...

Из чистой незапамятности лет,
Казавшихся и бывших берегами,
Рождается едва заметный свет,
В полночный час играющий мирами.

Открой пути, которых больше нет,
Созиди дней неодолимы дали,
Да будет горней радости ответ
Мятущемуся в горнице печали.

12.

Играет в небе... Солнцу ли не жалко
Наш в тесноте живущий род людской?
Недаром сеет детям для подарка
В бразды судьбы победу над тоской.

Озябшего вконец лучом согреть,
Едва коснувшись крепостью земной,
Диск солнечный, который пламенеет
Предвечной, вновь ликующей весной.

И ВРЕМЕНА, И ЛЕТА

Хотя потомок, мыслящий спиной,
Надмирной тайны признавать не смеет,
Страшится, вдруг женой остолбенеет,
Оборотившись к бездне ледяной,
И боль свою, что в сердце глухо тлеет,
Никак не сопрягает со Страстной.

13.

И было так людей на свете много,
Хранивших образ Господа Христа,
Что славит Бога каждая дорога,
Узнав от них, что значит красота.

И было так людей на свете мало,
Свой жертвенный исполнивших порыв,
Что на земле невыносимо стало
Тому, кто вопреки унынью жив.

14.

Здесь дальше нет пути и ветер дует,
Такой же точно, как в двадцатый век.
Здесь и души живой не существует,
Недаром сердца еле слышен бег.

И холодна по-прежнему дорога...
И поле Русское опять во мгле.
И только в уповании на Бога
Нам можно жить и дальше на земле.

15.

Я не звоню ни недругу, ни другу,
Почти забыл людские голоса.
Но малая бежит волна по кругу
От камушка, что тонет, в небеса.

16.

Мы все стоим в молчанье перед тайной,
Перед концом, где не затмится Свет.
В благоговенье пред толпой печальной
Равновеликих и прекрасных лет.

Пожалуй, выход в том, чего уж нет.
Но тем верней, чем выглядит случайней,
Единый нескончаемый ответ
Любой душе — как ближней, так и дальней.

И взглядываясь в вереницы дней,
Что поутихли, как в бою солдаты,
Я в горнице печалей и скорбей
Люблю светлей и больше, чем когда-то.
И не возьмет булат, не купит золото
Час просветленья Родины моей.

17.

Какая-то тихая дрема,
А в небе плывут облака.
И сердце почти невесомо,
Всю тяжесть вобрав, и века.

С уныньем, мученьем и болью,
Да, я перед вечностью нем.
Не знаю, стыдом иль любовью
Ответить собравшимся всем.

18.

И если выхода, положим, нет,
Останется до часа пробужденья
Твоя душа, летящая вослед
Нечаянности Божьего творенья, —

Возникший из ночного разуменья
Вопрос, в котором кроется ответ.

19.

Коль сердце вдруг умолкло тишиной,
Она не будет никогда чужой,
Люблю, дышу родимой стороною.
В душе живет сей косогор лесной,
Где просто горевать и быть собою.
Здесь входит в землю горечь высоты
И тишина, которой нет названья.
И затаили мокрые кусты
В самих себе — ключи от мирозданья.

20.

Так печально, больно, светло.
Так пронзительно снег идет.
Все, что было, давно прошло.
Стало медом ангельских сот.

А за полем все лес да лес.
Русь моя, ты всегда со мной.
И глядишь на меня с небес...
Ждешь, когда я приду домой.

21.

Я не помню о ней, просто очень Россию люблю.
И гляжу за окошко, как солнце встает спозаранку
Над землей, о которой я Господа Бога молю
И которой не ставлю давно ни укора, ни планку.
И людей, о которых терпенье Всевышнего злю,
Не отдам никому, вместе мы прибежим на поляну.
Там мы будем всему, что ни есть, нарекать имена,
Наконец пробудившись от долгого, долгого сна.

22.

Пусть скоро все исчезнет в потоке,
А поступь годов — в истление,
Спеши эпохой сбыться в эпохе,
Вобрав в себя поколения.

Пусть прежде придется надолго поникнуть,
Чужим окольцованной взором,
Я знаю, Россия, однажды ты выйдешь,
Всесветным Вселенским Собором.

Тогда лишь, за новыми вихрями смуты,
Которая горести часть,
За бесповоротную скорбью минуты
Да будет от Бога власть.

23.

По весне на рассветном камне
Даль начертана трех путей —
Сам не знаю, идти куда мне
Поперек упорства вещей.

Терпеливо, мало-помалу
Пробуждаются очи дня,
Но за то, что душа устала
В бездорожье, прости меня.

Но за то, что душа прозрела
За унынием свет и день,
Дай ей радость святого дела
И терпенья Божьего сень.

24.

Глядишь в унынии, родная, ты ли?
Исподним холодом полна земля.

И маковки поникли золотые.
Опять кругом не паханы поля.

А я бегу с давешнего пригорка,
Весь переполнен яростью слепой.
Мир человека, бабочки и волка
Передо мной сужается тропой

В крутом смешенье небылей и были,
В сумятице всемирного вранья...
Но если даже все тебя забыли,
Ты всех прекрасней в сердце у меня.

25.

У обрыва поет соловей
О единственной, нищей и дикой,
О заброшенной, бедной, моей,
О России моей невеликой.

Хоть не видно дорог и путей,
Наше, Господи, горе размыкай:
Весть подай о России великой —
О великой России Твоей.

26.

От вечности безвременья вдали,
Куда текло и пропадало время
Моей о Боге помнящей земли,
Моей Руси спасительное бремя.

Живых людей, которые ушли,
Твоих, еще оставшихся со всеми.
Моих родных, которые нашли,
В самих себе столетий новых семя.

27.

И здесь, и сейчас, и всегда,
И в стане смертельного боя
Совсем не печалился я,
Забывши: откуда и кто я?

А вечность глядела в окно —
Степей незалетная птица.
И значит уже все равно,
Что ночь, будто сердце, стучится.

28.

Снова Ангел трубит в небесах.
И уносится полчище птичье.
Поле русское — пепел и прах —
Сохрани в себе страх и величье.

29.

Когда утихнет злого мира лесьть
И в никуда протянется дорога,
Окажется, душа живая есть,
В час немоты взыскующая Бога.

А мир — самонадеянный, пустой,
Бегущий от мгновенья до мгновенья,
В руках всего лишь кубок золотой,
И достоянье ночи и забвенья.

И помолчи, и лучше не спеша,
Назвав беду по имени бедою,
Увидеть, как светла и хороша
Пылающая осень за тобою.

А кажется, паломница душа,
Служанка нищая, ей все родное,

И ВРЕМЕНА, И ЛЕТА

Из своего лесного шалаша
Вдруг заглянула в небо голубое.

30.

Когда среди житейской суеты
Становится несбывшееся мило,
И смотрит мир из вязкой темноты,
Наверно, вправду осень наступила.

И в желтизне кружащихся моих,
Еще недавно окрыленных, планов,
Хотя, конечно, больше не до них
Среди раскинутых повсюду станов.

Есть тихая немая правота,
Забывшая, что не было, что было.
Ну, погляди, какая красота —
Наверно, вправду осень наступила.

31.

Ураганом уносится мимо.
И ухватишь ли? Только чтоб жить —
Поправимо и непоправимо —
Золотая протянута нить.

И ответом на недоуменье,
На унынье беспамятных лет —
Молчаливое благоговенье
Перед Тем, Кто низводит нам Свет.

32.

Душа почти и не болит —
Утешена незримым чудом.
Такая тишина стоит
Над нашим заповедным лугом.

Потом кто сможет, тот вместит,
Найдет в движении упругом
Земли и неба Божий щит,
Хранящий мир победным кругом.

И снова с чистого листа,
Изведавши веков разлуку,
Во имя Господа Христа
Перемогаю жизни муку,
В огонь протягиваю руку —
Да будет Русь моя свята!

33.

Но вступивши на поприще вольное,
Мы увидим, что времени нет.
Будет светлым движеньем исполнено
Все, что брезжило тысячу лет.

Не взыскую заморскую, новую...
Милость Божию — землю мою,
Настоящую, значит путевую,
Значит лучшую в мире — люблю.

Февраль—ноябрь 2007